

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барова В. Р. Розена.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.
1902—1903.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1904.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

318. Д. Федоровъ, генеральнаго штаба подполковникъ. Опытъ военно-статистическаго описанія Илійскаго края. Подъ редакцію генеральнаго штаба генераль-маіора Тихменева. Часть I. Изданіе штаба Туркестанскаго военнаго округа. Ташкентъ 1903. VII + 299 + III стр. 8°.

319. Корниловъ, генеральнаго штаба подполковникъ. Кашгарія или Восточный Туркестанъ. Опытъ военно-статистическаго описанія. Подъ редакціей начальника штаба Туркестанскаго военнаго округа генераль-лейтенанта Сахарова. Ташкентъ 1903. III + II + 426 + VI стр. 8°.

Обѣ книги составлены по порученію штаба Туркестанскаго военнаго округа, по однородной программѣ. Эта программа приложена къ книгѣ г. Федорова «вмѣсто оглавленія»¹⁾; сравненіе обѣихъ книгъ показываетъ, что той же программой руководствовался и г. Корниловъ. Объемъ авторамъ приходилось работать въ предѣлахъ Китайской имперіи во время дипломатическихъ осложненій и вооруженнаго столкновенія, что не могло не отразиться на результатахъ ихъ трудовъ. Г. Федоровъ работалъ въ Илійскомъ краѣ въ 1901—1902 гг.; вслѣдствіе условій того времени «не все можно было сдѣлать, собрать, узнать, что являлось необходимымъ, тѣмъ болѣе что работать приходилось единолично безъ особаго сочувствія мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ. Собранный матеріалъ пришлось также обрабатывать крайне посиѣшно». Г. Корниловъ былъ командированъ въ Каш-

1) Къ сожалѣнію авторъ ни въ предисловіи, ни въ текстѣ не сообщаетъ намъ, почему его трудъ, повидимому, исчерпывающій поставленную ему программу, названъ «первой частью» и что должны заключать въ себѣ слѣдующія части.

гарію въ концѣ 1899 г.; событія слѣдующаго года «заставили въ значительной мѣрѣ сократить районъ, первоначально намѣченный для рекогносцировокъ, и вести сборъ свѣдѣній далеко не въ томъ объемѣ и (съ) тою полнотою, какая была желательна». Изъ этого видно, что г-нъ Корниловъ имѣлъ все-таки больше времени собирать свѣдѣнія о странѣ и разрабатывать собранный матеріалъ, чѣмъ г-нъ Федоровъ, на книгѣ котораго, кромѣ послѣдности собиранія свѣдѣній, не могла не отразиться послѣдность печатанія. По количеству собраннаго матеріала и степени его разработанности, не говоря уже о чисто-внѣшнихъ недостаткахъ (обиліе опечатокъ и т. п.), трудъ г. Федорова значительно уступаетъ труду г. Корнилова.

Оба автора помещаютъ въ началѣ книги перечень своихъ источниковъ, повидямому, въ томъ и другомъ случаѣ неполный; въ текстѣ обѣихъ книгъ часто встрѣчаются ссылки на сочиненія, не названныя въ перечнѣ источниковъ. Описанію современнаго состоянія края предпосылается краткій очеркъ его исторіи. Г-нъ Федоровъ для до-монгольскаго періода даетъ намъ не очеркъ исторіи Кульджинскаго края, а очеркъ исторіи Семирѣчья, съ которымъ, по его словамъ, «связанъ» Илійскій край. Этотъ очеркъ составленъ почти исключительно на основаніи моего «Очерка исторіи Семирѣчья», помещеннаго въ Памятной книжкѣ Семирѣченской области, т. I. Къ сожалѣнію г-нъ Федоровъ не замѣтилъ, что во второмъ томѣ той же «Памятной книжки» мною помещенъ длинный списокъ вкравшихся въ эту статью опечатокъ (статья была напечатана въ Вѣрномъ, безъ присылки мнѣ корректурныхъ листовъ); вслѣдствіе этого всѣ эти опечатки, особенно въ собственныхъ именахъ, вошли и въ его книгу (тутане вм. жужане, Яла вм. Ягма и т. п.). Не совсѣмъ удачно авторъ пользуется и моимъ «Отчетомъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію» (Спб. 1897 г.). Онъ буквально приводитъ (стр. 15, прям.) одно изъ самыхъ неудачныхъ мѣстъ этого отчета (стр. 65) — описаніе гробницы Туклукъ-Тимура, около которой я провелъ въ 1894 г. только очень короткое время, при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Не смотря на то, что мѣстность къ сѣверо-западу отъ Кульджи была изслѣдована авторомъ, какъ видно изъ отчетной карты его маршрутовъ, по нѣсколькимъ направленіямъ, онъ ни однимъ словомъ не исправилъ и не дополнилъ моего описанія и, очевидно, совершенно не обратилъ вниманія на этотъ единственный въ краѣ памятникъ среднихъ вѣковъ¹⁾. Въ то же время ни изъ «Очерка исторіи Семирѣчья», ни изъ «Отчета о поѣздкѣ

1) Фотографическое изображеніе зданія въ настоящее время прислано въ Русское Археологическое Общество Н. Н. Пантусовымъ, который обѣщаетъ прислать и описаніе памятника.

въ Среднюю Азію¹⁾ не извлечены и не выдвинуты тѣ данныя, которыя бы позволили читателю судить, насколько сказанное о Семирѣчьи относится и къ Илійскому краю, и получить хотя бы самое общее представление объ историческихъ судьбахъ послѣдняго. Не отмѣнены факты, что о земледѣльской культурѣ въ Кульджинскомъ краѣ впервые говорится въ началѣ XIII в., при упоминаніи города Алмалыка, что этотъ городъ въ монгольской періодъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ въ Средней Азіи, что въ XVI в. онъ уже болѣе не существовалъ²⁾. Невѣрное представленіе о началѣ культуры въ Илійскомъ краѣ читатель получитъ уже потому, что авторъ (стр. 4) заставляетъ Сюань-пана (VII в.) проникнуть «въ Илійскій край отъ Аксу черезъ Музартскій проходъ»³⁾ и найти «въ странѣ» земледѣльческую культуру и алфавитъ изъ 32 знаковъ сирійскаго происхожденія. Авторъ не прибавляетъ, что подъ «страной» въ этомъ случаѣ слѣдуетъ понимать не Илійскій край, а мѣстность между Чу и Амударьей⁴⁾.

Г-нъ Корниловъ при составленіи своего историческаго очерка пользовался почти исключительно «Восточнымъ Туркестаномъ» Григорьева. Нѣсколько устарѣлый въ частностяхъ, трудъ Григорьева остается и теперь довольно надежнымъ пособіемъ для выясненія общаго хода исторіи страны, во всякомъ случаѣ болѣе надежнымъ, чѣмъ книга Белью (Bellew, Kashmir and Kashgar, 1875), вводившая въ заблужденіе нѣкоторыхъ русскихъ авторовъ⁵⁾. Пользованіе болѣе новыми трудами, вѣроятно, дало бы

1) Встрѣчаются также ссылки на мой трудъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія» (ч. II, Спб. 1900), но заглавіе этого труда не приводится ни въ перечнѣ источниковъ, ни въ самыхъ ссылкахъ. Едва ли многіе читатели догадаются, что ссылка (стр. 8, прим.) «см. Бартольда стр. 431» относится именно къ этому труду.

2) См. объ этомъ мой «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію», стр. 63—64.

3) Неизвѣстно, изъ какой книги заимствовано это невѣрное представленіе; оно находится въ книгѣ Скайлера (Schuyler, Turkistan, Lond. 1876, I, 391 и II, 134; ср. З. В. О. VIII, 31), но послѣдняя не названа въ перечнѣ источниковъ автора.

4) Ср. З. В. О. VIII, 4 и «Очеркъ исторіи Семирѣчья», стр. 10.

5) Г-нъ Корниловъ однако не вполне свободенъ отъ вліянія книги Белью, черезъ посредство книги А. Н. Куропаткина (Кашгарія, Спб. 1879). Такъ онъ (стр. 7) утверждаетъ, что монгольскій ханъ Абу-Саидъ «овладѣлъ даже Хлассой» (ср. Куропаткинъ. Кашгарія, стр. 83); у Григорьева въ соответствующемъ мѣстѣ (Восточный Туркестанъ, вып. II, стр. 322) говорится только о «нѣсколькихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ въ Тибетѣ». Единственный источникъ для этихъ событій — сочиненіе Мухаммедъ-Хайдера, стоявшаго во главѣ монгольскаго войска во время этого похода; изъ его разсказа мы знаемъ, что монголы не дошли до Хлассы (The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Naidar, Dughlat, english version, Lond. 1895, p. 455). Взглянемъ той же книги А. Н. Куропаткина, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить, что г-нъ Корниловъ относитъ начало мусульманской пропаганды въ Кашгаріи къ VIII в. (стр. 5) и даже предполагаетъ (стр. 230), что «арабы, вторгшіеся сюда въ началѣ VIII столѣтіи, оставили свой слѣдъ» въ населеніи, хотя въ историческомъ

г-цу Корнилову возможность исправить нѣкоторыя частныя ошибки¹⁾, но едва ли измѣнило бы его представленіе объ общемъ ходѣ исторіи страны. Объ этомъ общемъ ходѣ г-нъ Корниловъ, несмотря на скудость историческаго матеріала, которымъ онъ располагалъ, дѣлаетъ нѣкоторыя совершенно правильныя замѣчанія; такъ онъ (стр. 55, прим.) справедливо отмѣчаетъ фактъ, что оазисы Хамя, Баркуль и Куя-Турчанъ «всегда стояли внѣ общаго хода исторической жизни Восточнаго Туркестана». Очень остроумно и, какъ намъ кажется, правдоподобно предлагаемое имъ (стр. 8, прим.) объясненіе названій религіозныхъ партій бѣлгорцевъ и черногорцевъ господствомъ одной изъ нихъ въ сѣверныхъ округахъ, прилегающихъ къ снѣговому хребту Тянь-шаня, а другой — въ южныхъ, гдѣ проходятъ отроги безснѣжныхъ горъ Кунь-лунь. Существующихъ въ краѣ памятниковъ прошлаго авторъ совершенно не описываетъ и только мимоходомъ (стр. 147) упоминаетъ о «развалинахъ обширныхъ городовъ» въ пустынѣ Такла-маканъ.

Нѣсколько подробнѣе оба автора останавливаются на событіяхъ новѣйшей исторіи и на отношеніи русскаго правительства къ этимъ событіямъ. Ни тотъ, ни другой не могъ въ этомъ случаѣ стать на точку зрѣнія безпристрастнаго историка. Г-нъ Федоровъ (стр. 62) высказываетъ мнѣніе, что права Китая на Илійскій край «были потеряны безспіемъ (sic) китайскаго правительства удержать край въ своей власти»; вопреки общепзвѣстнымъ фактамъ (переговоры 1871 г. и принятое тогда же русскимъ правительствомъ обязательство), онъ утверждаетъ (тамъ-же), что до 1878 г. китайское правительство было «совершенно равнодушно къ занятію нами Илійскаго края»; только мимоходомъ онъ (стр. 57), со словъ Н. Н. Пантусова²⁾, упоминаетъ о томъ, что «къ заведенію русскихъ поселеній въ краѣ не было приступлено за неизвѣстностью дальнѣйшей судьбы его». Г-нъ Кор-

очеркъ (стр. 5) говоритъ только о набѣгѣ Кутейбы (первомъ и послѣднемъ вторженіи арабовъ, по справедливому замѣчанію Григорьева, вып. II, стр. 194), а не о завоеваніи края арабами, подобно Белью и А. Н. Куропаткину (Кашгарія, стр. 78).

1) Въ настоящее время никто уже не считаетъ древнихъ обитателей Восточнаго Туркестана «прапраотцами славянъ и германцевъ» (Григорьевъ, Вост. Туркестанъ, вып. II, стр. 16; у г-на Корнилова, стр. 1, «родоначальникомъ нынѣшнихъ славянъ и литовцевъ»). Невѣрно мнѣніе Григорьева о родѣ уйгуровъ (у г-на Корнилова на стр. 5), основанное на ошибочномъ чтеніи *тогулуръ* вм. *тогулузъ* (Восточный Туркестанъ, вып. II, стр. 202; ср. мой «Отчетъ о поѣздѣ въ Среднюю Азію», стр. 33). Невѣрно, что Хотанъ былъ завоеванъ Тимуридами (Григорьевъ, Восточный Туркестанъ, вып. II, стр. 316; у г-на Корнилова на стр. 7); Григорьевъ заимствовалъ это извѣстіе изъ мало надежнаго источника («Хефъ-иклигъ» Эминъ-Ахмеда Рази); какъ Мухаммедъ-Хайдеръ, такъ и историки Тимуридовъ говорятъ о завоеваніи и потомъ о потерѣ послѣдними только Кашгара (ср. мой «Очеркъ исторіи Семирѣчья», стр. 76 и 79).

2) Свѣдѣнія о Кульджинскомъ районѣ за 1871—1877 годы, Казань 1881, стр. 11.

н.ловъ (стр. 62—63) полагаетъ, что проведенную на англійскихъ картахъ границу Кашгаріи по Раскемъ-дарьѣ «можно считать лишь предѣломъ предположенныхъ англичанами захватовъ по ту сторону Музтага и Каракорума, не болѣе, такъ какъ полоса мѣстности вдоль сѣверныхъ склоновъ названныхъ хребтовъ, захваченная указанной границей, никогда не входила въ составъ владѣній кашмирскаго магараджи». Однако выше (стр. 22) самъ авторъ рассказываетъ намъ, что мѣстность между Раскемъ-дарьей и Каракорумомъ была занята кашмирцами уже въ 30-ыхъ годахъ XIX в., что въ 1864 г. они построили укрѣпленіе Шахидулла-ходжа (на берегу Кара-каша, сѣвернѣе предположенной границы) и что только Якубъ-бекъ вновь занялъ это укрѣпленіе своимъ войскомъ. Требуя отъ англичанъ, чтобы они не переступали естественныхъ границъ Индіи на сѣверѣ, авторъ въ то же время (стр. 33) требуетъ для Россіи «Сарыкола и всей горной полосы Западной Кашгаріи до выхода изъ горъ на равнину», такъ какъ эти мѣстности входили въ составъ Кокандскихъ владѣній; въ моментъ присоединенія Ферганы къ Россіи онѣ принадлежали Якубъ-беку, но захваты послѣдняго слѣдуетъ игнорировать, такъ какъ «законности его власти не признавали и сами китайцы». Впрочемъ г-нъ Корниловъ вообще не является сторонникомъ завоевательной политики и справедливо замѣчаетъ (стр. 426), что присоединеніе Кашгаріи «не дастъ намъ выгоды ни въ смыслѣ приобрѣтенія богатой, производительной страны, ни въ смыслѣ улучшенія общаго положенія нашего на территоріи Азіи», и что выгоды «оставить ее во власти такого уживчиваго и миролюбиваго сосѣда, какъ китайцы».

При описаніи современнаго состоянія края оба автора подробнѣе всего останавливаются на орографическихъ условіяхъ страны, знаніе которыхъ особенно важно для военныхъ цѣлей, и на условіяхъ орошенія. Оба автора пользуются преимущественно разсказами новѣйшихъ путешественниковъ¹⁾, дополняя и исправляя ихъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ путемъ личнаго осмотра мѣстности или путемъ разспросовъ. Къ сожалѣнію ни тотъ, ни другой авторъ не указываютъ точно, какія мѣстности были ими лично посѣщены и сколько-нибудь подробно осмотрѣны. Изъ книги г-на Федорова мы по крайней мѣрѣ узнаемъ, какія мѣстности вообще были осмотрѣны въ

1) Г-нъ Корниловъ (стр. 203, прим.) между прочимъ упоминаетъ о спорѣ между Пржевальскимъ и Рихтхофеномъ относительно мѣстоположенія Лобъ-нора и о томъ, что выясненія этого вопроса можно ждать отъ изслѣдованій, «предпринятыхъ шведскимъ путешественникомъ Хединомъ». Результаты послѣдняго путешествія г. Хедина, отчасти обнародованные г. Himly въ Petermanns Mitteilungen, Bd. XLVIII, p. 288—290, очевидно, еще не были ему доступны. Ср. теперь также докладъ г. Хедина, напечатанный въ Изв. И. Р. Г. О., т. XXXIX, стр. 169—186.

1902 г., такъ какъ авторъ нанесъ маршруты свои и сотника Елгина на схематическую карту горныхъ хребтовъ края; г. Корниловъ совершенно не опредѣляетъ границъ посѣщеннаго имъ лично района.

Менѣе подробно говорится въ обѣихъ книгахъ о населеніи края, особенно въ книгѣ г. Федорова, свѣдѣнія котораго въ этомъ случаѣ имѣютъ почти исключительно компилятивный характеръ. Кромѣ свѣдѣній, собранныхъ изъ книгъ, мы находимъ у него только поверхностное описаніе физическаго типа и нравственнаго характера¹⁾ населенія, передающее только личное впечатлѣніе автора. Автору не удалось собрать даже самыхъ общихъ свѣдѣній о языкѣ населенія, необходимыхъ, между прочимъ, для выясненія интереснаго вопроса, совершается ли и въ этой части Китайской имперіи процессъ ассимиляціи инородцевъ. Какъ извѣстно, особенно быстрому поглощенію китайцами подвергаются маньчжуры; авторъ сообщаетъ намъ, что и въ Илійскомъ краѣ маньчжуры говорятъ между собой исключительно по-китайски (стр. 244), но что племя сибо говорить «чистымъ языкомъ маньчжурскихъ завоевателей Китая» (стр. 245). Къ сожалѣнію при этомъ сдѣлана ссылка на статью В. В. Радлова, напечатанную въ 1870 г.²⁾, и не сказано ни слова о томъ, насколько эти свѣдѣнія справедливы и для 1902 г. Въ соответствующей главѣ книги г-на Корнилова мы находимъ меньше княжной учестости, но за то больше цѣнныхъ наблюдений надъ современной жизнью. Не обладая лингвистической подготовкой, г-нъ Корниловъ, конечно, не даетъ намъ матеріала для изученія діалектовъ страны, но сообщаетъ тѣ свѣдѣнія, которыхъ мы могли ждать отъ неспеціалиста, о сношеніяхъ между собой представителей различныхъ народовъ и даже о нѣкоторыхъ особенностяхъ произношенія въ той или другой мѣстности (стр. 232). Любопытно наблюденіе г-на Корнилова (стр. 247), что въ Кашгаріи нѣтъ никакихъ слѣдовъ розни между суннитами и шитами и что представители обоего толковъ тамъ «отлично уживаются другъ съ другомъ».

Въ текстѣ книги г-на Корнилова (стр. 268) помѣщенъ плащъ Кашгара; отдѣльно приложены плапы Янги-шаара кашгарскаго, укрѣпленія Куня-гульбахъ (Старый Кашгарь), Янги-шаара янги-гиссарскаго и Ташъ-

1) Особенно характеренъ отзывъ г-на Федорова о китайцахъ (стр. 230—231): «Они горды какъ своєю родиною, такъ и своимъ образованіемъ, лачны къ наживѣ, вѣроломны, мстительны, безжалостны и невоздержаны». Въ примѣчаніи авторъ безпристрастно признаетъ, что «существуетъ и противоположное мнѣніе, что вообще китайцы отъ природы сдержанны, внимательны и доброжелательны (Реклю, т. VII, стр. 331)». Предоставляемъ читателямъ судить о томъ, насколько подобныя попытки суммарной оцѣнки нравственнаго уровня цѣлаго народа могутъ имѣть научное или практическое значеніе.

2) Соответствующія наблюденія были сдѣланы В. В. Радловымъ въ 1862 и 1869 гг. (W. Radloff, Aus Sibirien, zweite Ausgabe, Leipz. 1893, II, 349 и 377).

кургана, которыми, вѣроятно, съ благодарностью будутъ пользоваться не только военные спеціалисты, но и интересующіеся прошлымъ края. Въ заключеніе нельзя не благодарить штабъ Туркестанскаго военного округа за то, что напечатанныя по его распоряженію книги не увеличили собой число такъ называемыхъ «секретныхъ» изданій, а поступили въ продажу на общемъ основаніи.

В. Б.

320. Александръ Аннинскій. Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники. Одесса 1899. 133 стр. 8°.

321. Александръ Аннинскій. Исторія армянской церкви (до XIX вѣка). Определеніемъ Святыѣйшаго Синода, 29/30 апрѣля 1898 г., сочиненіе это въ рукописи удостоено почетнаго отзыва, послѣ того авторомъ исправлено и дополнено. Кишиневъ 1900. XI + 306 + V стр. 8°.

Двѣ подлежащія книги и не заслуживали бы, пожалуй, обсужденія на страницахъ спеціального научнаго изданія, если бы на нихъ не было обращено почему-то серьезное вниманіе въ компетентныхъ кругахъ. Надо думать, существуетъ острый интересъ къ прошлому армянской церкви, но отсутствуетъ освѣдомленность, такъ какъ онѣ находятъ удовлетвореніе въ столь малосостоятельныхъ работахъ, какъ названныя у насъ въ заголовкѣ¹⁾. Это обстоятельство вынуждаетъ у насъ отзывъ о двухъ книгахъ г. Аннинскаго. Необходимость высказаться о нихъ не устранена обстоятельствомъ, въ общемъ дѣльнымъ разборомъ, помѣщеннымъ въ *Ж. М. Н. П.* (1903, янв., стр. 179—204), г-на И. С., едва ли армениста²⁾.

1) *Исторія армянской церкви* А. Аннинскаго показала, повидимому, заслуживающей довѣрія проф. М. Красноженоу, д-ру церковнаго права, который цитуетъ ее въ числѣ своихъ источниковъ въ книгѣ *Къ вопросу о свободѣ вѣры и вѣротерпимости. Пюродимъ на Руси*, т. I, *Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи* (3—6-е изд., Юрьевъ 1903, стр. 89). Но, къ моему удивленію, въ числѣ авторитетовъ проф. М. Красножена по армянской церкви оказались и такія книги, которыя положительно ниже всякой критики, какъ напр. современный намъ апокрифъ Магды Нейманъ. Пользованіемъ подобными источниками надо объявить свѣдѣніе проф. Красножена (стр. 93) о нахожденіи Эчмиадзинскаго монастыря на горѣ Араратъ!

2) Кстати, да будетъ позволено мнѣ замѣтить pro domo sua: г. И. С. производитъ меня по недоразумѣнію въ армянина (стр. 193). Я обращаю вниманіе на эту мелочь, такъ какъ она, сдается мнѣ, находится въ связи съ ложнымъ мнѣніемъ, распространеннымъ и повывѣ, къ сожалѣнію, въ русскомъ образованномъ обществѣ, даже въ ученыхъ кругахъ, что по малости научнаго значенія арменовѣдѣніе можетъ представить интересъ будто только для армянъ, а грузиновѣдѣніе для грузинъ.